

The background of the entire page is an abstract, dynamic composition of glowing green light trails. These trails are composed of numerous thin, curved lines that sweep across the frame, creating a sense of rapid movement and depth. Interspersed among these lines are small, bright green dots and larger, soft, out-of-focus circular bokeh lights. The overall color palette is a range of greens, from deep, dark forest greens to bright, almost white-green highlights, set against a black background.

Вековой ВИТОК спирали

Татьяна Кручинина

Татьяна Кручинина

Вековой виток спирали

«Автор»

2026

Кручинина Т.

Вековой виток спирали / Т. Кручинина — «Автор», 2026

Дверь была тяжёлой. Я вставила старый ключ и толкнула плечом. Это была не моя аптека. Это была квартира в Петербурге, на Невском, 32. То, что от неё осталось спустя век: коммунальный лабиринт, выросший на месте первого в России женского аптекарского магазина Антонины Лесневской. За моей спиной остался Калининград и моя собственная проданная «Первая Женская Аптека». Продана в 2018-м. Её аптека национализирована в 1918-м. Ровно сто лет. Я подошла к окну. И тут я её увидела. На подоконнике, под слоем грязи, лежала крошечная аптечная гирька. Я подняла её. Она почти невесомая, стёртая пальцами, которых уже нет. Я сжала её в ладони, и холодный металл стал вдруг тёплым. В этот момент я всё поняла. История не линейна. Она — спираль. Она поднимается виток за витком. Эта книга — не о том, как построить бизнес. Она о том, как прожить свою спираль достойно, не сломавшись на крутых витках, и как разглядеть в своём, казалось бы, уникальном пути отголоски чужого — и будущего.

© Кручинина Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Татьяна Кручинина

Вековой виток спирали

Глава

«Нет ничего невозможного — если помнить, зачем ты вообще открыл дверь своей первой аптеки.»

Благодарности

Особые слова благодарности я хочу сказать тем, без кого Первая Женская Аптека так и осталась бы просто красивой идеей.

Благодарю Бахалову Наталью Васильевну, врача-гинеколога-эндокринолога, за профессионализм, открытость к новым подходам и участие во всех наших проектах по поддержке женского здоровья. Её лекции, консультации и готовность идти рядом с пациентками в самые непростые периоды жизни стали опорой для сотен женщин.

Благодарю Чашину Лидию Ивановну, врача акушера-гинеколога, президента КРОО «Вита», заслуженного врача Российской Федерации. Её авторитет, человеческая вовлечённость и постоянная готовность поддержать наши инициативы придали нашему делу вес и масштаб, о котором в начале я даже не смела мечтать.

Отдельное спасибо всем сотрудникам Первой Женской Аптеки. Каждая из вас — фармацевт, провизор, администратор — вкладывала в работу не только знания, но и сердце. Именно вы превращали идеи в ежедневную практику, а обычный визит за лекарством — в человеческую встречу. Без вас эта история никогда не стала бы тем, чем она стала.

Пролог

Дверь была тяжёлой. Массивное дерево, покрытое десятками слоев краски — тёмно-зелёной, коричневой, пыльно-голубой. Я вставила старый ключ, почувствовала, как с усилием проворачивается личинка, и толкнула плечом. Свет с лестничной клетки упал внутрь, разрезая темноту и высвечивая кружащуюся в луче пыль. Не было запаха лекарств — только запах забвения, пыли и старой бумаги.

Это была не моя аптека. Это была квартира в Петербурге, на Невском, 32. Та самая. Точнее, то, что от неё осталось спустя век: коммунальный лабиринт, выросший на месте первого в России женского аптекарского магазина Антонины Лесневской.

Я стояла на пороге, держа в руке не ключ от помещения, а ключ от совпадения, которое невозможно было придумать. За моей спиной остался Калининград и моя собственная проданная «Первая Женская Аптека». Продана в 2018-м. Её аптека национализирована в 1918-м. Ровно сто лет. Моя история началась, когда я, провизор, узнала о ней. И закончилась — или только началась по-новому? — когда я потеряла зрение на один глаз и села писать эту книгу.

Я сделала шаг внутрь. Паркет скрипел под ногами тем же звуком, что и в моей первой аптеке в Калининграде. Я шла по чужой, давно забытой планировке, но ногами помнила — вот здесь должна быть рецептурная стойка. Вот тут — стеклянные шкафы с синими и зелёными флаконами. Вот здесь Антонина, наверное, проверяла уроки у своих учениц-провизорш, а я спустя столетие объясняла молодым фармацевткам, как отличить паническую атаку от сердечного приступа и почему это важно.

Я подошла к окну. Невский проспект кипел внизу жизнью, которой не было здесь в 1901-м и в 2001-м. И тут я её увидела. На подоконнике, под слоем грязи, лежала крошечная, истончённая временем аптечная гирька. Ползунковый разновес, в котором когда-то отмеряли

граммы серы или беладонны. Я подняла её. Она почти невесомая, стёртая пальцами, которых уже нет. Я сжала её в ладони, и холодный металл стал вдруг тёплым.

В этот момент я всё поняла.

История не линейна. Она — спираль. Она поднимается виток за витком, и на каждом новом уровне ты снова оказываешься над той же точкой, но видишь её с новой высоты и понимаешь то, что было недоступно в прошлый раз.

Первый виток: 1901-1918. Антонина Лесневская. Невский, 32. Аптека, школа, женская независимость. Революция. Национализация. Закрытие. Исход. Гирьки, шкафы, рецепты — всё осталось в прошлом.

Второй виток: 2001-2018. Это я. Калининград. Первая Женская Аптека, портал, диабет-центр, цветы Баха, конференции. Диагноз. Продажа. Уход. Гирьки заменили электронные весы, бумажные рецепты — цифровые, но суть та же: создать пространство, где знание встречается с милосердием.

Третий виток: сегодня. Писательский стол. У меня в руке эта гирька, а на экране — пустой файл. Я больше не могу создавать аптеки. Но я могу создать из слов новое помещение — для этой истории. Помещение без стен, с единственной дверью — этой обложкой. Войдя в него, вы найдёте не просто хроники бизнеса. Вы найдете лабораторный журнал падений и взлётов, где личный гормональный сбой становится поводом для новой программы, а политический опыт — инструментом защиты пациентов. Где закрытие двери — это не конец, а способ увидеть, что твое дело уже давно вышло за её пределы и живёт в сети врачей, в группах поддержки, в доставке лекарств на дом к тем, кто не может выйти.

А где-то впереди, в воображаемом 2101-2118 году, существует третий виток. Мир, где аптек как помещений нет. Но в тихой комнате будущего, где человек учится слышать сигналы своего тела, на цифровом стенде будет висеть файл. В нём — оцифрованная гирька с Невского, 32, фотография вывески из Калининграда и эта книга. Как напутствие: если когда-нибудь исчезнут даже слова, останется суть — ответственность одного человека за жизнь другого.

Эта книга — не о том, как построить бизнес. Она о том, как прожить свою спираль достойно, не сломавшись на крутых витках, и как разглядеть в своём, казалось бы, уникальном пути отголоски чужого — и будущего.

Я сжала в ладони крошечную гирьку. Ключ от прошлого, которое стало настоящим. И открыла ноутбук.

Добро пожаловать на наш общий виток.

«Спираль — это круг, который однажды решился идти дальше.»

Секвенция 1: Я — писатель сегодня

Часть 1.1.

Настоящее: я и вы, мой читатель, если продолжаете читать эти строчки.

Прямо сейчас, в этот самый момент, пока ваши пальцы скользят по этой странице или экрану, я сижу не там, где вы, возможно, меня представляете.

Я не в белом халате за рецептурной стойкой, где воздух густ от запаха камфоры и валерианы. Не в кабинете с табличкой «Директор», где к вечеру на столе вырастают башни из накладных и отчётов для налоговой. И даже не в конференц-зале, где от сцены до последнего ряда тянется невидимая нить общего внимания, и я, держа микрофон, стараюсь эту нить не порвать.

Я — здесь. За простым письменным столом у себя дома. Он стоит у окна, выходящего в наш калининградский сад. Осень. За стеклом — жёлтая листва клёна, промокшая от недавнего дождя и прилипшая к тротуарной плитке, точно мокрая акварель. На столешнице из светлого дуба — мой рабочий беспорядок: ноутбук, похожий на приоткрытую раковину, внутри которой мерцает жемчужина-экран; чашка с остывшим чаем, на дне — тёмный осадок заварки. И один-единственный предмет, не имеющий утилитарного смысла: маленькая, истончённая вре-

менем аптечная гири́ка на лоскутке тёмно-синего бархата. Та самая, что я нашла на Невском, 32.

Мой правый глаз видит эту картину иначе. Он видит мир как старую, повреждённую фотографию. Контуры клёна за окном плывут и двоятся, краски листьев выцвели до грязно-охристого пятна. Я вижу не дерево, а его призрак. Врачи вложили в мой слух аккуратные, стерильные формулы: «стойкая постишемическая нейропатия», «отсутствие предметного зрения», «компенсация левым». Я киваю. Но мой внутренний переводчик, тот самый, что двадцать лет переводил язык рецептов на язык человеческой заботы, работает и сейчас.

Он переводит диагноз так: теперь я вижу мир метафорами. Чтобы разглядеть целое, иногда нужно, чтобы один источник света погас. Тогда второй, оставшийся, бросает неяркий, но пронзительный луч — он высвечивает не проблемы, а смыслы, которые прятались в тени суеты. Искажённое зрение стало странным, болезненным даром — даром видеть суть, минуя яркую, отвлекающую упаковку бытия.

Если бы у меня сейчас заказали визитку, на ней было бы только одно слово, отцентрированное посередине белого поля: «Писатель». Не как звание и не как новая строка в резюме, а как состояние души. Как последнее, самое честное ремесло. Оно начинается там, где заканчиваются все остальные, где ты больше не можешь ничего делать в привычном смысле: управлять, лечить, торговать, организовывать. Когда единственный инструмент, который остаётся в твоих руках и за который ты ещё несёшь полную, тотальную ответственность, — это слово. Не слоган на сайте и не инструкция к лекарству, а живое, дышащее слово, из которого, как из стволовых клеток, может вырасти целый мир, целая правда. Предложение. Абзац. История.

И вот я пишу. Пишу для вас. Для того человека, чья тень сейчас падает на этот текст. Между нами — возможно, тысячи километров, разница в поколениях, в опыте, в травмах и радостях. Но есть один мост, который уже построен в ту секунду, когда вы открыли эту книгу: вы верите, что чужие истории имеют значение. Что прожитая до конца и высказанная без прикрас правда другого человека может стать тростью, картой или тихим «я тебя понимаю» в вашей собственной темноте.

Вы пришли сюда не за инструкцией «Как построить успешный аптечный бизнес за 10 шагов». Вы пришли — я это чувствую — за свидетельством. За свидетельством о том, как прожить свою спираль, не раздавив себя на крутых витках. Как не сгореть от стыда в момент падения и не зазнаться в момент взлёта. Как отличить конец дороги от начала новой. Вы пришли за пульсом. А он бьётся как раз между сухими датами — «2001: открытие», «2018: продажа». Он стучит в страхе перед первым наймом, в решимости защитить свою идею, в усталости в три часа ночи, в восторге от первой благодарности в глаза, в горечи предательства и тихой радости верности.

И я готова быть этим свидетелем. Без глянца, без купюр, без удобных, готовых к употреблению моралей. С одной лишь гири́кой на столе — холодной мерой веса прошлого. И со шрамом на сетчатке — горячей мерой цены настоящего.

Давайте договоримся, как два собеседника, которые встретились за тем самым столом у окна. Я буду честна до неудобства. Покажу вам не только триумфы на сцене перед сотнями коллег, но и слёзы в пустой, вымершей аптеке после ухода последней сотрудницы — когда я сидела на полу у прилавка и гладила прохладный кафель, словно прощаясь с живым существом. Расскажу не только о мудрых решениях, но и о моментах слепого, буквально слепого, ступора перед диагнозом, когда мир сузился до размеров больничного кресла. Проведу вас по всем лабиринтам: как депутатская работа учила меня аптечной твёрдости, а аптечная практика — политике милосердия. Как личная гормональная буря превратилась в систему спасения для тысяч женщин. И как та самая тяжёлая дверь, что закрылась за мной в 2018-м, оказалась не тупиком, а чистым холстом, на котором теперь можно писать.

Мой левый глаз видит чёткие, чёрные строки на экране. Правый — лишь смутное, золотистое свечение, будто сквозь толщу мутной воды. Но этого достаточно. Этого света хватает, чтобы разглядеть главное и начать этот долгий, честный разговор.

Итак, начнём. Начнём с, казалось бы, неприметного звука — со звука тишины. С той абсолютной, оглушающей тишины, что опустилась утром после того дня, когда я перестала быть директором. Тишины, которая прозвучала для меня громче любого гулко-го часа-пики в торговом зале. Тишины, в которой родился первый вопрос. А за ним — и эта книга.

Часть 1.2.

Вчерашняя жизнь: Первая Женская Аптека и она в прошлом или в настоящем? В этой книге...

До того, как наступила писательская тишина, у меня был шум. Не хаотичный, а стройный, как симфония, — шум живой системы. Его сердцем была Первая Женская Аптека в Калининграде. Открыта в 2001-м. Продана в 2018-м. Семнадцать лет пульса.

Если бы вы вошли туда в самый её расцвет, ваши чувства включились бы все разом. Зрение: не просто стеллажи с коробками, а продуманное пространство, где тёплый свет падал на витрины с детской косметикой и гомеопатией, а зона «Диабет-контроль» была отмечена мягким синим цветом спокойствия. Обоняние: не назойливый химический запах, а сложный букет — сухие травы в ящичках, едва уловимый аромат масла чайного дерева, стерильная чистота из-за приоткрытой двери процедурного кабинета. Слух: не гул очереди, а приглушённые разговоры. У стойки фармацевт не спеша объясняла пожилой женщине, как принимать новый препарат, рисуя схему на бумажке. В кабинете за перегородкой эндокринолог мягко, но точно говорила: «Давайте не будем бояться этого анализа, он просто даст нам карту вашего состояния». В углу у компьютера тихо щёлкала мышкой моя дочь, загружая на портал новую лекцию о терапии климакса.

Это и была экосистема, которая выросла вокруг ядра — Первой Женской Аптеки. Не метафора, а ежедневная практика:

- медицинский кабинет, где терапевт, гомеопат и эндокринолог были не арендаторами, а частью одного целого;

- центр для женщин и диабетиков — место, где можно не только купить тест-полоски, но и измерить сахар, и главное — получить взгляд, полный понимания, а не жалости;

- информационный портал для 1300 врачей — цифровая пуповина, связывавшая нашу маленькую аптеку с огромным профессиональным миром: сын выстраивал архитектуру кода, а мы с дочерью наполняли её смыслом — статьями, обзорами, отчётами с конференций;

- интернет-аптека с доставкой — наш ответ на вопрос «как дойти тем, кто не может дойти?» — это было не просто меню товаров, а продолжение философии заботы, где в комментарии к заказу «температура у ребёнка, нужно срочно» становился для курьера приоритетом;

- цветочная терапия Баха — наш эксперимент по исцелению души, который для кого-то был ересью, а для кого-то — спасением;

- конференции — кульминации всего: когда в зале собирались врачи и получали не рекламные презентации, а знания и площадку для диалога, я чувствовала, что мы создали не бизнес, а сообщество.

И всё это держалось не только на профессиональной команде. Моим тихим, незыблемым ресурсом была семья. Муж, чья поддержка выражалась не в лозунгах, а в действиях — от ремонта помещения до трезвого анализа рисков. Двое детей — сын и дочь, — которые росли внутри этого дела, как в родной стихии. Они помогли перевести аптеку в цифровой формат задолго до того, как это стало нормой, не потому что так требовал рынок, а потому что чувствовали: дух этого места должен выходить за пределы его стен.

Иногда я ловила себя на мысли, что мы живём как внутри собственного маленького города. У этого города были свои праздники — первая конференция, первый заказ с достав-

кой в соседний посёлок, первый отзыв на портале врача из отдалённого района. Были и свои трауры — уход сотрудницы, с которой мы начинали, смерть одной из наших пациенток, чья история диабета стала для нас уроком на годы вперёд. Были свои хроники: толстые папки отчётов, фотографии с мероприятий, папки на компьютере с именами «Бах», «Диабет», «Портал», «Климакс».

Я жила в этом городе, как в организме, не задавая лишних вопросов. Утром — планёрка, днём — встречи с врачами, вечером — письма на портал или подготовка к очередной лекции. Иногда я заходила в аптеку просто постоять у двери и посмотреть, как всё работает без моего вмешательства: фармацевт наклоняется к старой женщине, чтобы лучше услышать; ребёнок тянет маму за руку к полке с витаминами; врач заходит «на минутку» и задерживается на полчаса. Это было моё любимое зрелище — система, которая живёт.

Эта жизнь была моим вторым дыханием. Я так глубоко в ней растворилась, что почти перестала различать, где заканчиваюсь я и начинается дело. И именно поэтому в тот момент, когда дыхание перебилось — сначала незаметно, как лёгкая одышка, а потом резко, диагнозом, — я оказалась к этому не готова. Чтобы увидеть всю эту картину целиком, мне пришлось сделать то, чего я меньше всего хотела: остановиться, выйти из города, в котором сама себе построила дом, и впервые за много лет оказаться на улице — одной, в тишине.

Часть 1.3.

Взгляд вглубь времени: Антонина и виток вперёд в 2001 год.

Только когда я остановилась — по-настоящему остановилась после продажи, в тишине своего кабинета, — история начала приходить ко мне не хронологией, а слоями, как геологические пласты. Я собирала свою жизнь по кусочкам, как разбитую вазу, и вдруг на её осколках увидела чужие, но до боли знакомые отражения. Так в моё поле зрения вошла Антонина.

1901 год. Невский проспект, 32. Другая женщина. Другой город. Другая эпоха. Но та же мечта, отлитая в том же металле решимости. Антонина Лесневская не просто открыла первую в России женскую аптеку. Она создала аптеку-школу, аптеку-убежище, аптеку-манифест. В мире, где фармация считалась «неженским делом», она доказала: женщина может не только готовить лекарства по чужому рецепту, но и сама писать правила — управлять, учить, задавать стандарты милосердия. Её аптека пахла не только реактивами, но и чернилами ученических тетрадей, а ещё — пудрой и духами первых клиенток, которые приходили туда не только за микстурами, но и за чувством собственного достоинства.

1918 год. Её дверь закрыли. Не она. Дверь захлопнула История с большой буквы — революция, национализация, экспроприация. Антонину вынудили покинуть не только аптеку, но и страну. Она выходила из своего храма, слыша за спиной лязг государственных замков на её же шкафах с травами. Всё, что казалось надёжным и вечным, за один год стало «народным имуществом» — то есть ничейным.

2018 год. Я закрыла свою дверь. Вернее, подписала бумаги, по которым её закрывали уже другие. Меня выгнало не государство, а собственное тело, объявившее ультиматум через потерю зрения. Но ощущение было до мурашек похожем: выход из своего храма. Тот же горький привкус прощания с делом жизни. Та же пустота в руках, разученных держать привычные инструменты. Та же тишина, в которой эхом отдавался один и тот же вопрос: «И что теперь?»

Именно в этой точке наши спирали соприкоснулись. Разница в сто лет оказалась не пропастью, а тонким мостом из сходств. Она уехала в Польшу, унося с собой знания и принципы, и продолжила работать врачом и организатором в другой стране. Я ушла в писательство, унося с собой историю и опыт, и начала создавать другую форму аптеки — словесную, без витрин и кассы.

А что дальше? Если посмотреть не назад, а витком вперёд, я позволяю себе одну важную фантазию. Пусть это будет 2118 год. Мир, в котором аптека как физическое помещение стала таким же архаизмом, как телефонная будка. Лекарства печатают на биопринтерах дома,

диагнозы уточняют нейросети, консультации проводят голографические аватары. И всё-таки я уверена: выживет то, ради чего мы с Антониной когда-то зажигали свет в своих аптеках.

Останется голод по знанию, которое невозможно «скачать» в один клик — его можно только получить из глаз в глаза, из опыта в опыт. Останется потребность в милосердии — в простом человеческом жесте, когда тебя видят не как набор симптомов, а как испуганного, уставшего человека. Останется личная ответственность одного за другого — та самая, что заставляла Антонину проверять каждую настойку ещё раз, а меня — звонить пациентке в девять вечера и спрашивать: «Как вы себя чувствуете после новой схемы?»

Именно эта троица — Знание, Милосердие, Ответственность — и есть вечный двигатель нашей спирали. Антонина передала его через вековую тьму мне, даже не зная моего имени. Я, написав эти строки, передаю его дальше — вам и тому, воображаемому читателю будущего, который, возможно, будет жить в мире без аптечных витрин, но с той же потребностью быть увиденным и поддержанным.

Теперь, когда мы нащупали и прошлую опору, и возможный будущий смысл, можно без самообмана подойти к моменту, когда всё это пошатнулось. К моменту, когда мой мир сузился до размеров кабинета офтальмолога и ослепительного, безжалостного белого света.

Секвенция 2: День, когда выключили свет

Часть 2.1.

Кабинет офтальмолога был залит светом, слишком ярким для человека, который боится его потерять навсегда. Это был не живой солнечный свет, а мертвенный, хирургический — свет высокочастотных ламп, выжигающий все тени, обнажающий каждую пылинку в воздухе и каждую морщинку на лице. Белые стены, холодный блеск стальных приборов, монитор, на котором серыми пятнами таинственных галактик светились снимки моего глазного дна. Вселенная, в которой я была лишь неисправным элементом.

Я сидела в низком кресле, сжав в руках сумку так, будто внутри лежал не блокнот и паспорт, а последний, тайный амулет против тьмы. Пальцы впивались в кожу, и это было единственное, что подтверждало: я ещё здесь, я ещё в своём теле. Врач, мужчина лет пятидесяти с усталым, профессионально спокойным лицом, смотрел на экран дольше, чем положено по протоколу. Это «дольше» растянулось в тикающую вечность. В тишине кабинета я услышала собственное сердце — глухой, тяжёлый стук где-то в висках.

— Правый глаз... — он сделал паузу, не отрываясь от монитора, и я поняла: он не ищет слово, он ищет форму, чтобы эта конструкция из терминов не обрушилась на меня сразу всем своим весом. — Зрения, как такового, нет. Стойкая тотальная ишемия сетчатки. Сто процентов.

Он наконец повернулся ко мне. Глаза, увеличенные стёклами очков, смотрели не на меня, а сквозь — как на очередной клинический случай в длинной череде.

— Глаз как орган, возможно, удастся сохранить, — продолжил он, голос ровный, как прямая линия на кардиограмме. — При условии немедленной операции и полного соблюдения всего, что скажем. Но зрительная функция... не восстанавливаема. Речь теперь только о сохранении левого. И о вашей дисциплине.

Я кивнула. Автоматически, как хорошо отлаженный механизм. Губы сами сложились в привычную, социально одобряемую форму: «Я понимаю». Звук был плоским, чужим.

На самом деле я ничего не понимала. Сознание раскололось на два потока. Один, рациональный, тут же начал лихорадочно соображать: «Операция. Больничный. Кто будет на аптеке? Доклад на конференции через месяц — отменять. Дети...» Другой поток был первобытным, животным ужасом. Он выл одной фразой, бессловесной и всепоглощающей: «КАК ЭТО — НЕТ?»

«Нет» — это когда чего-то не купили. «Нет» — это отказ в кредите. «Нет» — это когда сотрудник не вышел на смену. Но чтобы зрения — нет? Вчера же оно было. Плохое, затуманен-

ное, предательски мутнеющее в самый неподходящий момент, но было. Оно различало лица внуков, строки в договоре, цвет этикеток на флаконах. Оно было моим инструментом, моим сканером мира. И теперь этот сканер сломан. Навсегда.

Врач что-то ещё говорил — про причины (стресс, конечно, огромный стресс, вы же столько работаете), про риски для второго глаза, про абсолютный запрет на наклоны, подъёмы тяжестей, резкие движения. Его слова ударились о моё сознание, как капли дождя о бронестекло, и скатывались, не оставляя следа. Я ловила отдельные обрывки и цеплялась за них, как за щепки в открытом море: «сетчатка... сосуды... немедленно... беречь...»

Самое страшное было не в словах. Самое страшное было в действии. Он взял с инструментального столика маленький фонарик и, попросив запрокинуть голову, снова направил луч в мой правый глаз.

— Смотрите прямо. Вот сюда.

Я смотрела. Вернее, старалась смотреть тем глазом, в котором уже ничего не было. И в этот момент я увидела. Не картинку — сам свет как чистую, абстрактную боль. Ослепительную, белую, безформенную пустоту. Полную тьму, выраженную в максимальной яркости. Это было похоже на взгляд в ядро взрыва: ни линий, ни цветов, ни теней. Только сокрушительное, всеуничтожающее белое ничто.

Вот что значит «зрения нет». Это не чёрный экран. Это — белый шум. Не отсутствие света, а отсутствие информации. Смерть не глаза, а мира в этом глазу.

Когда луч погас, в глазу осталось пылающее белое пятно, как негатив от молнии. Я моргнула. Пятно медленно таяло, уступая место привычной, жуткой мути. Врач что-то записывал в карту, и звук его ручки казался невыносимо громким.

— Вас оформят в стационар. Сейчас. Сегодня. Позвоните родным, пусть соберут вещи. И приготовьтесь: после операции вам придётся научиться жить... по-новому.

«По-новому» прозвучало как приговор к пожизненному заключению в чужой, неудобной реальности. Я встала с кресла. Ноги были ватными, но держали. Я взяла свою сумку, этот жалкий амулет, который ни от чего не спас. Поблагодарила. Голос снова прозвучал сам по себе, откуда-то извне.

В коридоре клиники люди сидели на стульях, прижимая к груди прозрачные файлы со своими маленькими вселенными — снимками, анализами, направлениями. Их взгляды были пустыми или полными немого вопроса. Я шла мимо, стараясь не встретиться с ними глазами — тем единственным, который ещё видел. Я несла в себе невидимый, но тяжёлый груз: только что мне выдали новую, ущербную версию себя. И ключей к старой — не было.

На парковке я долго стояла перед рядом машин. Я прекрасно знала, где моя — серая иномарка, купленная в год, когда аптека вышла на первую серьёзную прибыль. «Вот он, символ успеха, — вдруг подумала я с горькой иронией. — А теперь в нём будет ехать инвалид». Но дело было не в иронии. Дело было в простом, физиологическом страхе: я боялась сесть за руль. Боялась, что этот повреждённый, лживый глаз исказит расстояние, обманет мозг, и я врежусь во что-то. Впервые в жизни я боялась своей машины. Впервые в жизни мир стал для меня физически ненадёжным.

Я села на пассажирское сиденье, закрыла дверь и приложила ладони к лицу. Сквозь пальцы пробивался тусклый свет парковки. Правый глаз видел лишь размытое свечение. Левый — чёткие линии фонарных столбов, жёлтые полосы разметки, блеск стёкол на других машинах.

И тогда, в этой тихой металлической коробке, до меня наконец дошло. Это — навсегда. Больше никогда я не увижу мир стереоскопически, объёмно, как его видят все. Моё восприятие отныне будет плоским, как рисунок на листе бумаги. Мир потерял глубину. И вместе с глубиной из него в эту секунду ушла та самая уверенность, с которой я открывала двери, нанимала людей, спорила с чиновниками и строила свою империю заботы.

Я выдохнула. И сделала первое, что пришло в голову. Не позвонила родным. Не юристу. Я достала из сумки тот самый блокнот. Открыла на чистой странице. И левым глазом, медленно, с трудом, вывела одно-единственное слово, обводя его круг за кругом, пока бумага не начала рваться:

ПОЧЕМУ?

А потом под ним, уже увереннее:

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Первый вопрос был криком. Второй — уже началом пути. Пути в кромешную тьму одного глаза и в ослепительный, болезненный свет нового понимания.

Часть 2.2.

Семья и то, что уже создано за эти годы стало не моим, чужим. Я не мобильна...

Дорога домой из клиники была сюрреалистичным путешествием по чужому городу. Я сидела на пассажирском сиденье, и мой левый глаз, словно камера с узким углом обзора, выхватывал из мира знакомые детали, которые вдруг потеряли смысл. Вот супермаркет, где мы закупали воду для офиса. Вот поворот на улицу, где жила наша первая и лучшая сотрудница, ушедшая в декрет. Каждая деталь была крючком, зацеплявшимся за кромку прежней жизни и отрывавшим её с болью. Я молчала, глядя в окно и ощущая в кармане смятый листок с госпитализацией, как ордер на арест привычного мира.

Дома меня ждала не тишина, а другой звук — звук жизни, которая не знает о твоей катастрофе и потому продолжается. Из кухни доносился смех внуков и запах готовящегося ужина — муж, как всегда в кризис, взял управление бытом на себя и теперь гремел кастрюлями. Дочь говорила по телефону тихим, деловым тоном — скорее всего, с кем-то из врачей по поводу контента для портала. Сын, судя по мерцающему свету из-за двери его комнаты, был погружён в код.

Я остановилась в прихожей, прислонившись спиной к прохладной стене. Здесь, в этой точке, сошлись два мира. Тот, что был со мной в машине, — мир трещин, белого шума в глазу и вопроса «почему?». И этот — мир, где пахло супом, решались рабочие задачи и жизнь текла своим чередом. Мне нужно было сделать шаг из одного в другой. И я боялась, что как только это сделаю, как только произнесу вслух: «Мне сказали, что правый глаз ослеп», — хрупкая нормальность этого дома рассыплется, как картонный домик.

Но они не дали ей рассыпаться. Они её приняли.

Сначала подошёл муж. Не с объятиями и причитаниями — он подошёл так, как делает ремонт: оценивающе, с готовностью сразу браться за дело. Посмотрел на меня, увидел всё без слов и сказал первое, практичное:

— Операция срочная. Значит, завтра. Я с тобой. Детей на день к соседке. Остальное обсудим после.

В его голосе не было ни капли паники. Была усталость, была тяжёлая любовь и была та самая стальная опора, на которую я опиралась все годы, даже не замечая, насколько она прочна. Его спокойствие было противовесом моему внутреннему хаосу. Оно говорило: «Это новая задача. Мы её решим. Как решали все остальные».

Потом пришла дочь. Она обняла меня молча, положив голову на плечо. А потом, отойдя, спросила голосом, в котором не было жалости — только профессиональная, натренированная в аптеке чуткость:

— Мам, а что с левым? Какие ограничения? Нагрузки? Нужно ли перестраивать график публикаций на портале? Может, записать подкаст вместо текстовой рассылки, чтобы ты меньше напрягала глаза?

И тогда до меня начало доходить. Они не спрашивали: «Как же аптека? Кто будет управлять?» Они спрашивали о том, как вписать новую реальность в уже существующие процессы. Потому что аптека уже давно не была хрустальной вазой в моих руках.

Она стала организмом с собственным метаболизмом. Медицинский кабинет жил по своему расписанию. Портал, где было зарегистрировано 1300 врачей, работал по алгоритмам, которые выстроил сын и наполнили смыслом мы с дочерью. Интернет-доставка лекарств, особенно для наших диабетиков, была отлаженным конвейером. Даже цветочная терапия Баха — та самая, которую многие считали моей блажью, — имела свою клиентуру и протоколы.

Я создала не просто бизнес. Я создала экосистему. И как в настоящей экосистеме, смерть одного дерева (пусть даже самого большого) не вела к гибели леса. Лес продолжал жить. Дышать. Фотосинтезировать.

Сын вышел из комнаты с ноутбуком в руках. На экране светилась какая-то схема.

— Мам, — сказал он. — У нас всё забито в облако. Все контакты врачей, база статей, логистика доставки. Доступ есть у всех, кому нужно. Если что, я могу удалённо подключаться к кассовой программе. Система устойчивая. Она какое-то время сможет работать в автономном режиме.

Он говорил это не для утешения. Он констатировал факт — как инженер, проверяющий расчёты моста на прочность. Его слова стали последним, решающим аргументом.

Я стояла посреди своей семьи, и внутри меня происходил странный, двойственный процесс. С одной стороны — облегчение. Глубокое, почти физическое. Груз, который я одна несла все эти годы, оказался распределён на множество крепких плеч. Меня подстраховали. С другой стороны — пронзительное, шемящее чувство... ненужности. Вернее, острой необходимости пересмотреть, что для меня значит «быть нужной».

Если система может работать без моего ежедневного, физического присутствия, кругло-суточного контроля, нервных звонков и вдохновляющих речей... То кто я теперь? Что я такое, если не директор, не сердце, не мотор?

Я посмотрела на них — на мужа, дочь, сына. На их лицах читалась усталость, тревога, но не растерянность. Они уже составили план. Они уже видели путь. Они уже взяли на себя части моей роли, даже не оговаривая это. Они не ждали, что я слягу и сдамся. Они ждали, что я, как всегда, приму новый вызов. Только на этот раз вызовом была не конференция на тысячу человек и не открытие нового отдела. Вызовом была я сама — моё новое, одно-глазое тело и моя ещё неясная роль в мире, который я же и построила, но который теперь мог обойтись без меня за прилавком.

Вечером, когда всё стихло, я снова осталась одна на кухне. Теперь передо мной стоял не пустой кружкой, а ноутбук. Я открыла папку «Аптека». И вместо того чтобы лихорадочно проверять отчёты, я впервые просто смотрела на неё. На эти сотни файлов, папок, фотографий. Это было не цифровое хранилище. Это была капсула времени, в которую я сама, годами, упаковывала семнадцать лет своей жизни.

И тогда, в тишине кухни, под мерный гул холодильника, ко мне пришла первая, робкая мысль о новом ремесле. Мысль, похожая на тонкий лучик в кромешной тьме правого глаза.

Если я больше не могу быть тем, кто делает,

может, я могу стать тем, кто помнит?

А если помнит — то и тем, кто рассказывает.

Моя рука потянулась к ноутбуку. Палец нашёл клавишу «Создать документ». В строке имени, вместо привычных «Отчёт_» или «План_», я набрала слова, которые стали первым шагом в неизвестность:

«Первая Женская. История спирали».

Это была не бизнес-стратегия. Это была молитва. И крик. И начало новой профессии.

Часть 2.3.

Первая мысль о новом ремесле была из серии фантастики, но я должна что-то делать и выбор только мой и ответ на вопрос - что?

Файл с названием «Первая Женская. История спирали» лежал на рабочем столе ноутбука, как маленький чистый островок в море других иконок. Я щёлкнула по нему дважды. Открылось белое поле. Слишком белое. Ослепительно белое, как тот самый свет из офтальмологического фонаря. Оно требовало слов, а у меня в голове был только хаос — обрывки диагнозов, списки дел, которые теперь придётся отменять, и тяжёлый, липкий страх будущего.

Я закусила губу и начала печатать. Не историю. Я начала печатать факты — как когда-то выкладывала на витрину товары: по порядку, по группам.

- 2001 год. Аренда помещения. Первая вывеска. Первые три сотрудницы.
- 2003 год. Открытие медицинского кабинета. Приход Натальи Васильевны.
- 2008 год. Запуск портала. 1300 врачей. Сын сделал архитектуру.
- 2012 год. Первая конференция. Зал на 200 человек. Страх и восторг.

Сухие, безжизненные строчки. Каталог достижений. Это было безопасно — как заполнять отчёт для налоговой. Это можно было делать даже одним глазом, даже с новой, уродливой реальностью внутри. Но с каждой строчкой нарастало другое чувство — тоска. Тоска по тому, что стояло за этими датами. По запаху свежей краски в день открытия. По дрожи в коленях перед первым серьёзным совещанием с врачами. По лицу той самой молодой мамы с ребёнком-диабетиком, которая, получив от нас не только глюкометр, но и распечатанную схему питания и номер телефона для связи, перестала плакать.

Я остановилась. Белый экран снова уставился на меня. Факты были скелетом. Но где была душа? Где в этом списке была я — со своим страхом, который гнал вперёд; с той злостью, что давала силы спорить с чиновниками; с той неловкостью, когда я впервые предложила капли Баха и встретила скептический взгляд коллеги?

И тут я поняла. Поняла то, что, возможно, и привело меня к этой точке. Я никогда не была просто бизнес-леди. Я была переводчиком. Переводила язык медицины на язык человеческой тревоги. Переводила скучные инструкции к лекарствам в понятные схемы на листочках. Переводила личную боль — свою, от климакса, от панических атак, от бессонных ночей рядом с болью других — в системы помощи для тех, кто приходил ко мне за прилавков.

Теперь мой привычный инструмент — зрение, физическая выносливость, способность «быть везде» — был сломан. Но потребность переводить осталась. Острая, как голод. Что, если новым инструментом станут слова? Не инструктивные, а живые. Слова, которые передают не только информацию, но и запах, звук, страх, надежду. Слова, которые могут построить мост не только между врачом и пациенткой, но и между мной вчерашней и мной сегодняшней. А потом — между мной и вами.

Это была не блестящая идея. Это была единственная возможность не задохнуться. Писать — значит дышать. Писать — значит упорядочивать хаос внутри. Писать — значит оставить след там, где физическое присутствие больше невозможно.

Но страх был сильнее. Страх оказаться смешной. «Кто ты такая, чтобы писать книгу? Ты — провизор, директор, организатор. Писатели — это другие люди, с другим образованием, с другой судьбой». Этот внутренний голос звучал настойчиво, как надоедливый комар в тишине ночи.

Я закрыла глаза. Левый увидел привычную темноту. Правый — то самое болезненное белое пятно, призрак света. И в этом контрасте родилось странное успокоение. Мой мир уже не был «нормальным». Зачем же я продолжаю мерить его «нормальными» мерками? У меня, по сути, не осталось выбора. Я должна либо попытаться рассказать эту спираль, либо позволить ей бесследно исчезнуть вместе с моим правым глазом.

Я стерла сухой список дат. Взяла глубокий вдох. И начала писать заново. Медленно, с трудом, ковыряя клавиши одним пальцем:

«Это началось не с бизнес-плана. Это началось с обиды. С того самого письма, где Калининград вычеркнули из списка...»

Я писала не о достижениях. Я писала о чувстве. О том самом чувстве несправедливости, которое когда-то стало топливом. И по мере того как слова складывались в предложения, со мной происходило что-то странное. Острая, режущая боль от диагноза не исчезала, но отступала на второй план, как шум за стеной. На первый план выходило другое — сосредоточенность. Азарт. Жажда справедливости уже не для бизнеса, а для этой истории.

Я просидела так, не зная, сколько прошло времени. Когда подняла голову, за окном было темно. На кухне тикали часы. В комнате сына светился экран. Всё было так же. И всё было уже совершенно по-другому.

У меня не стало зрения в одном глазу. Но у меня появилась точка сборки. Хрупкая, призрачная, но своя. Это был не бизнес-план и не медицинский прогноз. Это был первый абзац.

Я сохранила файл. Вышла из-за стола. И впервые за этот бесконечный день почувствовала не беспомощность, а усталость — ту самую здоровую, творческую усталость каменщика, который таскал тяжёлые кирпичи и вдруг увидел: из хаоса начинает проступать стена. Стена, за которой, возможно, скрывается новое помещение. Не аптека. Не клиника. А пространство из бумаги и смысла, куда можно будет пригласить других.

И я поняла главное: это уже не было мыслью. Это стало решением. Тихим, без фанфар, но окончательным.

Завтра — операция. А послезавтра — новая жизнь. В которой единственными рабочими инструментами, которые мне оставила судьба, будут это мерцающее окно текстового редактора и упрямая память, отказывающаяся молчать.

Секвенция 3: Сто лет спустя

Часть 3.1.

Сделка, в которой продаётся не только бизнес, но и душа с делом длиною в самую активную часть моей жизни.

Кабинет нотариуса пах так, как и должен пахнуть храм формальностей: кофе из одноразового стаканчика, пылью с толстых томов Свода Законов на полках и лёгкой, едва уловимой нотой человеческого напряжения. За стеной без устали щёлкал принтер, где-то в коридоре отстукивали каблуки, и эти звуки складывались в фон чужой жизни, к которой я не имела отношения. На столе, под лампой с холодным светом, лежала стопка документов, перетянутая бежевой резинкой. А сверху — один-единственный лист. Последнее соглашение о продаже ООО «Первая Женская Аптека».

Нотариус привычным движением поправила очки на переносице, мельком пробежалась по тексту и придвинула к нам ручку. Я сидела напротив юриста нового владельца — молодого человека в идеально сидящем костюме, который чуть поскрипывал, когда он менял позу. Он повернул ко мне лист, вежливо указав пальцем на строку для подписи:

— Вот здесь, пожалуйста. И здесь. Инициалы на каждом листе.

У него были ухоженные руки с короткими ногтями и дорогие часы, которые время от времени мягко звякали о браслет. Я вдруг отчётливо подумала, что эти руки вряд ли когда-нибудь держали ночью тяжёлую коробку с лекарствами, которые нужно успеть довести «к ребёнку с температурой, пожалуйста, как можно скорее».

Я взяла ручку. Она была лёгкой, дешёвой, с синим стержнем. Неправдоподобно лёгкой для такого момента. Хотелось чего-то тяжёлого, с золотым пером, с гравировкой — чтобы рука чувствовала вес решения. Я наклонилась к листу и провела левым глазом (правый в этот день лениво фиксировал лишь движение теней) по строчкам. Цифры. Реквизиты. Юридические формулировки, выхолащивающие семнадцать лет моей жизни до понятий «уставной капитал», «активы», «дебиторская задолженность».

«Активы», — прочитала я, и прямо поверх печатных букв всплыла другая картинка: Наталья Васильевна, прислонённая к дверному косяку кабинета, в халате, с кружкой чая, кото-

рый она так и не успевает допить, потому что в коридоре уже ждут две беременные и одна «просто посоветоваться». Если это не актив, то что тогда вообще считается ценностью?

«Дебиторская задолженность», — следующая строчка. И тут же: лицо той самой мамы с ребёнком-диабетиком, которая задержала оплату, потому что в этом месяце «не сошлось», а мы всё равно выдали полоски и инсулин, понимая, что иногда долг — это не цифра в отчёте, а связка из доверия и стыда.

«Недвижимое имущество» — и перед глазами не стены, а первый день ремонта: белая пыль на волосах, запах краски, девчонки в старых футболках, вручную отмывающие витрины, и я, которая вместе с ними таскает коробки и чувствует, как ноет спина, но от этой боли почему-то радостно.

Сумма внизу была справедливой. По рыночным меркам — даже хорошей. Но как измерить рынком ночные дежурства, когда я везла лекарство новорождённому с температурой? Как конвертировать в валюту доверие в глазах первой пациентки-диабетика, которая наконец перестала бояться своего глюкометра? Какой курс у запаха сушёной ромашки, которым пахло в аптеке в первые годы, или у звука дружного смеха сотрудниц на корпоративе после успешной конференции?

Ручка зависла в миллиметре от бумаги. Я почувствовала, как чуть вспотела ладонь, как тонко дрогнула линия плеч. Внутри всё сжалось в тугую, болезненный комок. Это было похоже на подпись под согласием на сложную операцию близкому человеку. У тебя есть факты, заключения, прогнозы. Ты знаешь, что так нужно. Но рука не слушается, потому что это действие — акт насилия над прежней жизнью. Над жизнью, где я была не «Сторона 1», а просто хозяйка. Где у каждого угла, у каждой полки была своя история — от первого проданного глюкометра до последней коробки ромашки, которую мы отдавали «в нагрузку, потому что всё равно будете пить чай».

— Если что-то непонятно, могу пояснить, — вежливо предложил юрист.

— Всё понятно, — ответила я, и свой голос услышала так, будто он прозвучал с другого конца стола.

В этот момент мне вспомнилось, как я впервые ставила подпись под документами об аренде помещения. Тогда ручка тоже дрожала, но от другого — от восторженного ужаса. Перед глазами стояла не печать, а будущая аптека: ещё пустая, холодная, но уже моя. Сейчас всё было наоборот: помещение тёплое, бумага безупречная, процессы выстроены, а внутри — холод.

Я поставила подпись. Чётко, как учили когда-то в институте, когда мы до автоматизма выводили свои фамилии под рецептами и отчётами. Линия получилась ровной, почти красивой, хотя внутри всё дрожало. Нотариус поставила свою подпись, затем — печать: глухой, металлический удар штемпеля по бумаге прозвучал в кабинете громче, чем должен был.

— Поздравляю с завершением сделки, — произнесла она профессионально-ровным тоном.

— Поздравляем, — подхватил юрист, слегка кивнув.

«Всё», — сказал он, аккуратно собирая экземпляры в папку.

«Всё», — эхом отозвалось у меня внутри.

Но это было не «всё». Это было лишь окончание одной главы — той, что была написана чернилами из рецептурных бланков, слезами от усталости и тонером принтера, печатающего программы конференций. Главы, где моим рабочим местом были прилавок, конференц-зал и бесконечные коридоры между стеллажами, а не вот этот стол с резинкой, стягивающей документы.

Я подняла глаза на окно. За стеклом, сквозь блики, проползал знакомый калининградский дождь — мелкий, упорный. Люди переходили дорогу, прижимая к себе зонтики и пакеты; кто-то нёс пакет с логотипом аптеки-конкурента, и это показалось мне особенно символичным.

Там, снаружи, ничего не изменилось. Город продолжал жить по своим законам. А внутри меня только что закрылась эпоха.

Теперь предстояло начать другую. Ту, для которой у меня пока не было ни чернил, ни бумаги. Только странный, пустой файл на компьютере и шрам на сетчатке — как напоминание о цене, которую я уже заплатила за право начать всё заново.

Часть 3.2.

Внутренний мост к 1918 году и я стою на нём рядом с Антониной. Польша рядом и там жила Антонина. Я могу остаться здесь и делать дело, которое останется после меня - писать историю своей души...

Когда я вышла из нотариальной конторы, меня встретил промозглый калининградский день. Ветер с моря пробирал под пальто, цеплялся за воротник, пытался добраться до шеи. Асфальт блестел от недавнего дождя, машины шипели по лужам, редкие прохожие ускоряли шаги, прижимая к себе сумки. Я могла бы сразу повернуть к машине, сесть, хлопнуть дверцей — и спрятаться. Но ноги сами понесли меня в другую сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.